

Толпа не расходилась, продолжая судачить и бросать на юношу косые взгляды, перешёптываясь за его спиной. Даже спасение из речных вод не избавило гэ'эра Юня от унижительных пересудов. В здешних краях гэ'эры и девушки редко умели плавать, поэтому из воды его вынес мужчина. Набросив на промокшего беднягу свой плащ, спаситель снова скользнул в реку и исчез, так и не показав своего лица.

— Это же гэ'эр из семьи Юнь. Что на него нашло? Говорили ведь, что он должен стать налогом в поместье Чэн.

Семья Юнь в уезде Синьфэн считалась зажиточной, а их сыну недавно исполнилось восемнадцать. Он обладал скромной, миловидной красотой, и господин Юнь как раз подыскивал ему достойного мужа. Однако несколько дней назад, когда юноша обедал в трактире, его случайно увидел Чэн Жу. Старейшина Чэн, найдя в чертах гэ'эра Юня сходство со своим покойным фуланом, немедленно возжелал его и направил в семью Юнь предложение взять юношу в наложники. Господин Юнь, будучи всего лишь мелким торговцем, не смел перечить могущественной семье Чэн. И хотя Чэн Жу по возрасту годился гэ'эру Юню в деда, предложение было с радостью принято.

Вспоминая об этом союзе, люди лишь сокрушённо вздыхали. Конечно, всякий стремился к богатству и знатности, но разница в возрасте была слишком велика. К тому же, с тех пор как Чэн Жу отошёл от дел, его задний двор наполнился бесчисленными наложниками, и жители уезда Синьфэн наконец смогли разглядеть за благообразной личиной бывшего сюньфу неутолимую алчность и распутство. За последние годы семья Чэн, не зная удержу, прибирала к рукам чужие земли и скапливала несметные богатства, разорив немало семей и превратив свободных крестьян в своих арендаторов.

При этом семья Чэн не скупилась на пожертвования для уездного управления: они выделяли деньги на ремонт городской школы, оказывали финансовую помощь бедным ученикам, а во время наводнения даже организовали раздачу каши. В глазах многих они выглядели великими благодетелями и пользовались в уезде огромным авторитетом.

Юй Ланьи видел, как дрожит окружённый толпой гэ'эр Юнь. Его лицо, мокрое не то от слёз, не то от речной воды, выглядело жалким и несчастным.

Он шагнул вперёд и поддержал юношу.

Рядом с Чжэн Шаньцы не было слуг, а яркая внешность Юй Ланьи всегда привлекала внимание. Когда он подошёл к пострадавшему, взгляды толпы сперва устремились на спасённого, а затем переместились на Чжэн Шаньцы. Жители уезда уже успели запомнить своего нового начальника и почтительно расступились, освобождая дорогу.

— Сначала в лечебницу, — распорядился Чжэн Шаньцы.

В лечебнице гэ'эр Юнь, не переставая, дрожал в объятиях Юй Ланьи, словно его сковал не холод, а неопиcуемый ужас.

— Чжэн Шаньцы, поторопи доктора Суна. А ты, — обратился Юй Ланьи к слуге юноши, — принеси своему молодому господину чистую одежду.

Чжэн Шаньцы отправился на поиски доктора. Вскоре доктор Сун, откинув занавесь, вошёл с медицинским сундучком.

Слуга гэ'эра Юня, поклонившись, поспешил прочь. Ему нужно было не только принести одежду, но и сообщить обо всём господину Юню. Случившееся было слишком серьёзным, и юный слуга не знал, что делать. Его господин не просто лишился возможности выйти замуж — он погубил своё будущее. И хотя его спасли уездный начальник и его фулан, что будет дальше, оставалось неизвестным.

Доктор Сун заметил, что юноша сторонится его прикосновений. Осторожно нащупав пульс, он задумчиво произнёс:

— Небольшой жар. Сначала нужно принять отвар, а там посмотрим. Что до ран на теле, я велю мальчику-аптекарю наложить мазь.

Чжэн Шаньцы вышел вместе с доктором, который тут же отправил одного из своих помощников готовить лекарство. Только тогда он обратился к уездному начальнику:

— Не знаю, в каких отношениях господин начальник состоит с этим молодым господином, но, судя по его одежде, он ещё не был замужем. А между тем, он уже лишился невинности, и тело его покрыто ранами.

— Это постыдное дело, — продолжал доктор, — поэтому я не стал говорить при всех. Сообщаю вам, господин начальник, чтобы вы могли во всём разобраться.

— Я понял, — кивнул Чжэн Шаньцы.

Доктор Сун уже было собрался уйти, прихватив свой сундучок, но, вспомнив о чём-то, поколебался, и, стиснув зубы, всё же вернулся.

— Господин начальник, у вас найдётся минута?

— Разумеется, — ответил Чжэн Шаньцы и тут же велел позвать Цзинь Юня и Ван Фу. Оставлять Юй Ланьи одного было небезопасно.

Лечебница делилась на внешний и внутренний дворы. Чжэн Шаньцы и доктор Сун

расположились в беседке во внутреннем дворе. Выпив чашку горячего чая, старый лекарь наконец решился заговорить.

— Господин начальник знает, я практикую в уезде Синьфэн уже много лет, заслужил здесь некоторое уважение и доброе имя. Люди доверяют моему искусству и охотно обращаются за помощью. Мне доводилось проверять пульс и у старейшины Чэна, и у главы семьи Чэн. Скажу вам, тела этих почтенных господ истощены вином и распутством. Я как-то раз туманно намекнул на это старейшине Чэну. Он с улыбкой выслушал, но на деле стал ещё более несдержанным.

— Вы и сами понимаете, господин начальник, — продолжал доктор, — такие знатные семьи не доверяют своё здоровье людям со стороны. Вскоре семья Чэн наняла нового лекаря, и меня больше не приглашали. Однако в свою лечебницу я часто принимал служанок и слуг из их поместья. Тела их, так или иначе, были покрыты синяками и ссадинами.

При этих словах доктора Суна передёрнуло, словно по спине проползла змея. Лоб его покрылся испариной. Сглотнув, он продолжил:

— Однажды ко мне за лечением обратилась служанка. Я дал ей мазь. Она приходила ещё несколько раз, а потом пропала. Я не придавал этому значения, подумав, что старейшина Чэн оставил её в покое.

— В лечебнице всегда много дел, и я выкинул тот случай из головы. Но однажды в поместье Чэн ворвалась бедная супружеская пара. Они кричали, что в поместье погубили их дочь. Только тогда я понял: девушка мертва, и даже тела её не нашли. За эти годы из поместья Чэн исчезло множество людей. Но кто станет беспокоиться об исчезновении домашних слуг?

Подписав договор о продаже себя в рабство, человек лишался права на собственную жизнь. Его судьба оказывалась в руках хозяина, и если тот решал замучить или убить слугу, никто не стал бы его искать.

— Доктор Сун, благодарю, что рассказали мне это, — произнёс Чжэн Шаньцы.

Доктор Сун покачал головой.

— Я вижу, что господин начальник отличается от своих предшественников. Вот и решил рассказать. А вы, господин начальник, можете просто считать это сказкой.

Вернувшись в комнату, Чжэн Шаньцы услышал звуки ссоры. Вероятно, прибыли господин и госпожа Юнь.

— Благодарим вас, молодой господин Юй. Мы заберём гэ'эра Юня. Простите, что доставили вам и господину начальнику столько хлопот, — произнесла госпожа Юнь, впиваясь пальцами в

плечо сына. Её взгляд был таким, словно она готова была его съесть.

Господин Юнь добавил:

— Завтра мы пришлём господину начальнику щедрый дар. А сейчас мы заберём его. Дома ему будет лучше, чем в лечебнице.

Юй Ланьи нахмурился, встретившись с умоляющим взглядом гэ'эра Юня. Хотя он и сам считал, что дома лучше, юноша, казалось, думал иначе.

— Я вижу, он не хочет идти с вами, — сказал он. — Пусть пока остаётся в лечебнице и лечится.

Улыбка на лице госпожи Юнь застыла.

— Молодой господин Юй, гэ'эр Юнь ещё не был замужем. Нехорошо ему долго оставаться в лечебнице. Его попытка утопиться уже дурно сказалась на его репутации. Если он задержится здесь, будет ещё хуже. Больной гэ'эр, да ещё и с подмоченной репутацией... Как мать, я беспокоюсь о его будущем.

— Если он болен, разве не в лечебнице ему следует быть? — возразил Юй Ланьи.

Цзинь Юнь, услышав это, холодно произнёс:

— Господин и госпожа Юнь, раз наш молодой господин так сказал, вы всё равно собираетесь забрать гэ'эра Юня? Этим вы можете его огорчить. Наш молодой господин проникся симпатией к вашему сыну и желает побыть с ним ещё немного. Неужели вы собираетесь мешать в таком пустяковом деле?

Лица господина и госпожи Юнь изменились. Залепетав, они поспешили заверить, что не смеют перечить.

— Если моему фулану нравится гэ'эр Юнь, пусть остаётся на несколько дней, — вошедший в комнату Чжэн Шаньцы поставил точку в споре. — А вы можете возвращаться.

Господин Юнь растерялся:

— Но...

Не смея более возражать, они униженно удалились. Уходя, господин Юнь бросил на сына предостерегающий взгляд, приказывая молчать. «И угораздило же старейшину Чэна положить глаз на этого негодника! В доме полно других красивых сыновей, и все как один послушные.

Юноша тоже был тихоней, но стоило ему пару раз побывать в поместье Чэн, как его словно подменили: топиться вздумал, ни капли скромности и спокойствия. А теперь ещё и с фуланом уездного начальника спутался, им наперекор пошёл».

Вспомнив о прыжке сына в реку, господин Юнь тяжело вздохнул. История наделала много шума, да ещё и уездный начальник оказался замешан. Захочет ли теперь семья Чэн связываться с гэ'эром Юнем? Этот юнец — сплошная головная боль.

Чувствуя себя несчастнейшим из отцов, господин Юнь вместе с женой покинул лечебницу. Как и ожидалось, семья Чэн уже была в курсе событий. Их встретил слуга, посланный передать сообщение. Господин Юнь, лично приняв его, первым делом сунул ему в руку серебряный слиток.

Слуга, взвесив тяжесть в руке, произнёс:

— Всё остаётся в силе. Будь то господин начальник или кто другой, если старейшина Чэн желает кого-то взять в жёны, он его возьмёт. Можете не беспокоиться. Расположение старейшины Чэна — великая удача для вашей семьи. А гэ'эра вашего проследите, чтобы воспитали как следует. Семья Чэн — не какой-то захудалый род. Сегодняшнее представление было весьма постыдным. Когда юноша войдёт в нашу семью, матушки научат его манерам.

— Людишки, не выдавшие в жизни ни роскоши, ни богатства, — презрительно хмыкнул слуга, словно уже навидался подобных лиц. — Получив такой шанс, не умеют его ценить. Глупцы.

Взяв серебро и бросив ещё одно предостережение, он надменно удалился.

Господин Юнь проводил его с подобострастной улыбкой, но как только слуга скрылся из виду, его спина выпрямилась.

— Когда гэ'эр Юнь вернётся, хорошенько проучи его, — бросил он жене. — Совсем от рук отбился.

Госпожа Юнь покорно опустила глаза и кивнула.

Юй Ланьи вскоре собрался уходить. Слуга гэ'эра Юня остался, чтобы помочь юноше обмыться.

— Я знаю, что ты сообщил родителям, но я не виню тебя, — сказал пострадавший. — Но я правда не хочу возвращаться. То место — ад. Если я вернусь, мне останется только повеситься.

— Я не хочу жить, — всхлипнул он.

Снаружи Юй Ланьи говорил с Чжэн Шаньцы:

— Нужно оставить здесь человека, чтобы присмотрел.

— Я распоряжусь. А нам пора возвращаться, уже поздно, — сказал Чжэн Шаньцы и повёл Юй Ланьи домой.

— Завтра я просмотрю архивы в управлении. Я не видел там дел об исчезновении людей. Возможно, кто-то их спрятал.

Зная дерзость семьи Чэн, Чжэн Шаньцы не сомневался, что их жертвами становились не только слуги, но и порядочные девушки и гэ'эры.

Он нежно погладил Юй Ланьи по плечу, убаюкивая его.

События той ночи ещё долго будоражили умы жителей уезда Синьфэн. Все только и говорили что о семьях Чэн и Юнь, о том, как гэ'эр Юнь бросился в реку, и о том, что его спас какой-то неизвестный, а после забрал фулан уездного начальника.

— Говорю вам, гэ'эр Юнь точно был против, — причмокнула губами одна из женщин. — Ну какая молодая, миловидная особа захочет идти к старику Чэну? Он же младше внука старейшины! Это же просто неприлично.

— Да что вы смотрите на возраст, когда речь о такой могущественной семье! — возразил ей мужчина. — Это вам не обычная семья. К тому же, если не хотел — мог отказаться. А так — сначала согласился, а потом в реку прыгать. Такое непостоянство — вот что безнравственно.

— А ты откуда знаешь, что это гэ'эр Юнь согласился?!

Сплетни разносились по уезду, и прыжок юноши вывел всё на чистую воду, выставив семью Чэн в самом неприглядном свете.

На следующее утро Чжэн Шаньцы лично отправился в архив. Как он и предполагал, дел о пропаже людей там не оказалось. Он холодно усмехнулся.

— Позвать ко мне помощника начальника уезда Ци и дянъши Чжу. У меня есть к ним вопросы.

Ван Фу, получив приказ, удалился.

Дяньши Чжу явился немедленно, не выказывая удивления. Помощник начальника Ци также прибыл и со спокойным видом поприветствовал Чжэн Шаньцы.

— Поговорим об архивах. Старожилы говорят, одно время в уезде часто пропадали молодые гэ'эры и девушки. Почему же я не могу найти дел об этих исчезновениях?

— Да, было такое, — ответил дяньши Чжу. — Я помню, в год случилось по пять-шесть таких дел. Но с тех пор, как господин начальник вступил в должность прошлой осенью, ничего подобного не происходило. Раньше я с помощниками пытался их расследовать, но всё без толку. То семья жертвы внезапно отказывалась от разбирательства, то следов совсем не находилось.

— Перед вступлением господина начальника в должность в архиве случился пожар, — вмешался помощник Ци. — Некоторые дела сгорели. Возможно, те самые. Можете не беспокоиться, господин начальник, я уже наказал того нерадивого служащего, что отвечал за архив. Его больше нет в уезде Синьфэн.

Чжэн Шаньцы в упор посмотрел на помощника Ци, но тот выдержал его взгляд, не дрогнув.

— Господин начальник, вам нужны эти дела? — почесав затылок, спросил дяньши Чжу.

— Нужны.

— Они у меня есть, — ответил дяньши Чжу.

Помощник Ци резко изменился в лице и впился взглядом в дяньши Чжу.

Дяньши Чжу пояснил:

— Господин начальник знает, я отвечаю за аресты, поддержание порядка и тюрьмы. Нам тоже приходится вести расследования. Чтобы получить доступ к делам, требуется подпись начальника уезда, его помощника, регистратора и моя собственная. Это слишком хлопотно. Поэтому, когда попадались сложные дела, я велел снимать с них копии. У меня сохранились копии этих дел.

Помощник Ци не сдержался, его лицо побагровело от злости.

Как бы ни была могущественна семья Чэн, она не всегда могла замести все следы. С таким пособником, как помощник Ци, в уездном управлении в последние годы всё сходило им с рук. Но теперь Чжэн Шаньцы взялся за это дело, и, судя по всему, отступать не собирался.

— В таком случае, будьте любезны, дяньши Чжу, — с улыбкой сказал Чжэн Шаньцы.

Дяньши Чжу кивнул и вышел. Чжэн Шаньцы перевёл взгляд на помощника Ци.

— Насколько я помню, за семьёй Ци тоже числится несколько нераскрытых дел. Завтра я вызову их в суд. Помощник Ци, проследите, чтобы глава семьи Ци явился. Если я не увижу его завтра в зале суда, я обвиню его в неуважении к суду и прикажу дать двадцать ударов палками.

Щека помощника Ци дёрнулась, но он мог лишь покорно согласиться.

Чжэн Шаньцы жестом велел ему удалиться.

Несмотря на ночные волнения, жизнь в уезде Синьфэн шла своим чередом. Дорогу отстроили уже на пятую часть, и крестьяне с гордостью смотрели на дело своих рук. После весеннего дождя на полях зазеленели нежные ростки лекарственных трав. Утром гэ'эры и девушки, работающие в ткацкой мастерской, брали с собой лепёшки из дома и с довольным видом отправлялись на работу. Чжэн Циньинь тоже пошёл в мастерскую. Он проверил счета управляющего, разобрался с бухгалтерией и даже предложил несколько новых узоров.

— Молодой господин прекрасно справляется, — похвалил его управляющий. — Если бы господин начальник узнал, он бы тоже обрадовался. Молодой господин уже может открыть собственную лавку.

Чжэн Циньинь, хоть и был рад похвале, скромно ответил:

— Мне ещё многому нужно у вас поучиться, управляющий. Я надеюсь на вашу помощь.

Он не кичился своим положением и вёл себя скромно, чем заслужил симпатию работников мастерской.

Господин начальник открыл ткацкую мастерскую, дав им работу и крышу над головой. Нельзя же всю жизнь гнуть спину в поле. Теперь они приносили в дом деньги, и отношение к ним стало уважительнее. В конце концов, всё решают деньги. Теперь, чтобы что-то купить, им не нужно было просить у свекрови или мужа — они тратили то, что заработали сами.

Разобравшись со счетами, Чжэн Циньинь вернулся домой и застал странную сцену: какой-то гэ'эр собирался встать на колени перед его вторым зятем. Он замер в изумлении.

— Если есть дело, говори, — сказал Юй Ланьши, велел Цзинь Юню поднять гэ'эра Юня.

Юй Ланьши поманил Чжэн Циньиня. Тот подошёл и с любопытством посмотрел на гостя.

— Второй зять, что случилось?

Юй Ланьи произнёс лишь два слова: «гэ'эр Юнь», и Чжэн Циньинь всё понял — он уже слышал эту историю.

— Если у тебя есть просьба, говори, — произнёс Цзинь Юнь.

Гэ'эр Юнь с надеждой посмотрел на них. Он оказался на удивление стойким. Обычный гэ'эр в такой ситуации смирился бы со своей участью, боясь навредить семье. Но он, выжив после прыжка в реку, обрёл желание жить, и ненависть в его сердце не угасала.

— Молодой господин Юй, я хочу подать жалобу на старейшину Чэна. Поместье Чэн — это настоящий вертеп разврата. Глава семьи Чэн похищал красивых девушек и гэ'эров для утех старейшины. Тех, кто не выдерживал издевательств, бросали в колодец и бросали тела. Среди них были не только слуги семьи Чэн, но и порядочные люди, ставшие их жертвами.

Юй Ланьи уже готов был вспыхнуть от гнева, но Цзинь Юнь бросил на него предостерегающий взгляд, и он сдержался.

— Ты готов явиться в суд и дать показания против семьи Чэн? — спросил Цзинь Юнь.

Гэ'эр Юнь пришёл именно за этим. Закусив губу и сжав рукава, он ответил:

— Я знаю, что господин начальник тоже хочет расправиться с семьёй Чэн. Если господин начальник даст мне денег и пропускной документ, чтобы я мог скрыть своё имя и покинуть это скорбное место, я готов явиться в суд и свидетельствовать против них.

— Я согласен! — тут же выпалил Юй Ланьи.

Юноша поклонился ему до земли.

— Благодарю вас, молодой господин Юй.

Цзинь Юнь промолчал.

Чжэн Циньинь помог гэ'эру Юню подняться и усадил его. Пока Юй Ланьи обзавёлся свидетелем, Чжэн Шаньцы получил от дяньши Чжу копии дел. Он тут же велел ему отыскать людей, подававших заявления.

— Найдите их. Некоторые отозвали свои жалобы. Спросите, не передумали ли они. Если не захотят — не принуждайте, — у Чжэн Шаньцы были и другие рычаги давления на семью Чэн. Но он хотел добиться справедливости для невинных. Раз уж он стал здесь начальником, отцом народа уезда Синьфэн, он должен был довести это дело до конца, сколько бы лет ни прошло.

Дяньши Чжу, получив приказ, удалился.

Он со своими доверенными людьми обошёл адреса из архивных дел, но в большинстве домов перед ним захлопывали двери. Эти семьи стали жить гораздо богаче — очевидно, приняли отступные от семьи Чэн.

— Мы уже ничего не помним, — покачала головой пожилая пара, во дворе у которой резвились двое маленьких детей. Они закрыли ворота. Новая жизнь уже началась, и они не хотели оглядываться назад. Пусть это и было неправильно, но они получили компенсацию, зажили хорошо, и ворошить прошлое было бы себе дороже.

Дяньши Чжу обошёл больше десяти семей, и лишь одна слепая старуха согласилась снова подать жалобу. Её муж уже умер, а сын переехал в уезд Лань и давно звал её к себе, но она не хотела уезжать.

Дяньши Чжу оставил у её дома стражника, опасаясь, что люди из семьи Чэн могут ей навредить.

Семья Чэн и впрямь была в панике, словно земля горела у них под ногами. Особенно после того, как стало известно, что тот предатель из семьи Ся снова виделся с Чжэн Шаньцы. Старейшина Чэн встал и написал письмо.

— Я слышал, инспектор Ли сейчас находится с проверкой в области Цинчжоу. Мы с ним старые знакомые. Немедленно отправьте к нему гонца, пусть приезжает в уезд Синьфэн.

Чиновники рангом выше всегда могут задавить низших. Тем более такой влиятельный, как инспектор. Чэн Жу теперь не надеялся спасти всех. Он хотел лишь сохранить жизнь своим потомкам и часть имущества. Он горько жалел, что позволил какому-то гэ'эру поймать себя на крючок.

«Теперь вся надежда на то, что инспектор Ли сможет убедить Чжэн Шаньцы оставить меня в покое».

Старое дело должны были пересмотреть. Старший сын Ся принёс Чжэн Шаньцы счётную книгу, в которой были записи о делах трёх других семей.

— Мы признаём свою вину, — сказал он. — Это мы хранили на всякий случай. Теперь мы передаём всё господину начальнику. Наша семья Ся отныне будет во всём следовать вашим указаниям.

— А свои-то счётные книги вы хорошо спрятали, — усмехнулся Чжэн Шаньцы.

— Я готов отдать их вам, господин начальник, в надежде на снисхождение.

— Если вы будете со мной сотрудничать, закон будет к вам милостив, — сказал Чжэн Шаньцы, помогая ему подняться. — А о ваших сыновьях и племянниках я позабочусь.

Старший сын Ся просиял.

— Благодарю вас, господин начальник!

Тюрьма так тюрьма. Пусть они лишатся всего имущества, но сохранят жизнь, а сыновья и племянники останутся на свободе. Семья сможет возродиться. А покровительство самого уездного начальника — это лучше, чем что-либо ещё.

Вернувшись домой, старший сын Ся рассказал обо всём главе семьи. Тот, кто до последнего цеплялся за призрачную надежду, теперь окончательно её лишился.

— Если мы сможем спасти детей, оно того стоит, — вздохнул глава семьи Ся. — Книга, что должна была спасти нас, теперь в руках господина начальника. Мы оказали ему услугу, и теперь судьба нашей семьи зависит от его решения.

— Запомни, — он похлопал старшего сына по спине, — вели будущим поколениям усердно учиться.

— Отец, будьте спокойны, — поспешно ответил старший сын Ся.

На следующее утро Чжэн Шаньцы вызвал в суд главу семьи Ци. Улики были неопровержимы. Его бросили в темницу, приговорив к казни после осени. Помощник начальника Ци, с пепельным лицом, не знал, что делать.

Под удары судейского молотка глава семьи Ци обмяк и был уволочён прочь.

Это была звонкая пощёчина для помощника Ци. Он, взмахнув рукавами, покинул зал суда и в управление больше не вернулся. Что до преступлений семьи Ци, то это были захват земель и контрабанда соли — тяжкие грехи. А показания буддийского гэ'эра окончательно решили их судьбу.

Жители уезда, услышав о преступлениях семьи Ци, были ошеломлены. Они и не подозревали, сколько грязи скрывалось за их фасадом. Те, кто пострадал от их гнёта, ликовали.

Чжэн Шаньцы был так занят в эти дни, что возвращался домой лишь поздно ночью. Юй Лань, видя его усталость, жалел его.

— Быть чиновником так утомительно, — играя с волосами мужа, сказал он. В его глазах светилось восхищение.

— Сейчас тяжело, но когда я со всем разберусь, станет легче, — ответил Чжэн Шаньцы. Семья Ци, пустившая корни в уезде, оставила много следов, и разобраться с ними было легко. А вот семья Чэн прятала свои концы в воду куда глубже.

— Ты приготовил крепкое вино для дяди? — спросил Юй Ланьи.

— Приготовил. Когда дядя приедет, сможет сразу забрать на повозке.

Несмотря на занятость, он помнил об этом давнем обещании. Юй Ланьи, обняв мужа за руку, заснул. Его рука была такой сильной.

Прошло ещё полмесяца. Строительство дороги продвинулось ещё на одну пядю. Глядя на широкое, ровное полотно, крестьяне чувствовали гордость. Они ходили по нему, ощущая твёрдую, не поддающуюся под ногами землю.

— Хороша дорога! — хохотнул один из мужиков с миской в руках. Сидящие под навесом крестьяне, тоже обедавшие, дружно рассмеялись в ответ.

— Глядишь, подкопим денег. Если не на быка, так хоть на осла хватит, в поле поможет. А там можно и другим в аренду сдавать, ещё копейку заработать.

— Посчитаем-ка... Дорогу строить ещё полгода где-то. Хе, а ведь и правда можно на осла накопить.

От этой мысли энтузиазм крестьян вспыхнул с новой силой. Они мечтали купить осла. О быке и не думали — слишком дорого. А осёл, когда принесёт потомство, его можно будет сыну оставить.

— Как дорогу достроим, соберём с женой деньги и купим осла.

Поля с лекарственными травами источали нежный аромат. Торговцы уезда Синьфэн, успешно продавшие в Цинчжоу местный острый соус, вернулись и сделали в мастерской новый крупный заказ. Одна эта сделка принесла пятьсот лянов серебра, и работники мастерской трудились с удвоенным усердием.

Лица жителей Синьфэна светились радостью. Они продолжали строить дорогу. Покончив с утренней работой в поле, они шли на стройку, где их ждал бесплатный обед. Как раз во время обеда кто-то закричал:

— Господин начальник ведёт старейшину Чэна в суд!

— Господин начальник ведёт старейшину Чэна в суд!

Толпа мгновенно зашумела.

— Так он всё-таки взялся за семью Чэн! Эти душегубы и мою землю отняли, а ещё благодетелей из себя строят.

— Быстрее в суд, на зрелище!

— Пропустил суд над семьёй Ци, этот точно не пропущу!

Словно на праздник, народ хлынул к зданию суда. Увидев Чэн Жу, стоящего в зале, они принялись тыкать в него пальцами.

— Это же старейшина Чэн! За что его схватили?

— Не знаю. Он же и мосты чинил, и школе деньги жертвовал. За что его судить?

Чэн Жу, будучи цзиньши, имел право не преклонять колени перед уездным начальником.

Чжэн Шаньцы ударил молотком.

— Чэн Жу, ты признаёшь свою вину?!

— Господин начальник, не шутите так. Наша семья Чэн не нарушала законов. Вы схватили добропорядочного гражданина, и сердце моё скорбит, — Чэн Жу был совершенно спокоен.

— Господин начальник судит семью Чэн! — крикнул Цзинь Юнь.

Юй Ланьи тут же сорвался с места. Цзинь Юнь, схватив шляпу, едва за ним поспевал.

— Ты не прольёшь слёз, пока не увидишь гроб. Передать свидетеля!

В зал вошёл гэ'эр Юнь. Упав на колени, он сорвал с Чэн Жу маску благодетеля, рассказав и об изнасиловании, и о телах на дне высохшего колодца. Толпа взорвалась гулом.

— Не может быть! Столько людей погибло!

— Какое счастье, что моя дочь не пошла в служанки в их дом.

Чжэн Шаньцы снова ударил молотком.

— На дне колодца найдены восемнадцать тел. Чэн Жу, что ты на это скажешь?!

— Господин начальник, нельзя же утверждать, что раз тела найдены в колодце на землях семьи Чэн, то это мы их убили, — усмехнулся Чэн Жу. — Что до гэ'эра Юня, то он должен был стать моим налогом. Это он соблазнил меня, а теперь в суде строит из себя праведника, обманывая всех.

— А как ты объяснишь записи в этой счётной книге?! — Чжэн Шаньцы наступал. — В первый год правления Умина ты довёл до смерти семью Ли и за бесценок скупил их пятьдесят му земли. На шестой год правления Умина вся семья Цзян, шестьдесят человек, была убита после того, как они отказались продать вам свой секрет приготовления тофу. На седьмой год сто му земли аптекаря Яо внезапно перешли во владение семьи Чэн. Мне продолжать?!

Лицо Чэн Жу дёрнулось. Взглянув на брошенную на пол счётную книгу, он увидел доказательства контрабанды соли. Он мысленно проклял семью Ся. Они всегда считали их трусами, но не ожидали, что те сохраняют такие улики.

Лицо Чэн Жу исказилось от горя. Сердце Чжэн Шаньцы упало.

— Всё это — дело рук моего сына. Я ничего не знал. Я лишь падох на плотские утехы, приласкал нескольких слуг. О порядочных девушках и гэ'эрах, о которых говорит господин начальник, я и не слышал. Это всё мой сын их для меня находил. Я и не ведал, сколько зла он натворил! Это я его дурно воспитал!

Чэн Жу зарыдал, повторяя, как ему жаль, как он просит прощения у земляков, у родной земли, что его вскормила.

Юй Лань так разозлился, что готов был наброситься на этого старого лицемера с кулаками.

— Старый мерзавец!

Некоторые в толпе прониклись сочувствием.

Глава семьи Чэн, обвязавшись терновым хлыстом, пал на колени в зале суда.

— Это я во всём виноват! Это мой разум помутился! Отец ни при чём! Господин начальник, я виновен, арестуйте меня!

— Сын мой, сын! Как ты мог совершить такую глупость! — запричитал Чэн Жу, разыгрывая безутешное горе.

Чжэн Шаньцы мысленно выругался, глядя на этот фарс.

— Это дело касается... — начал было он, но его прервали.

— Я слышал, здесь идёт суд. Могу ли я присутствовать? — в зал вошёл инспектор Ли в красном чиновничьем халате. Увидев его одеяние, Чжэн Шаньцы понял, что перед ним чиновник пятого ранга или выше. Веки его дёрнулись. Он велел принести стул.

— Я — инспектор-цензор Ли, посланный двором, — строго произнёс Ли. — Я провожу проверку в уезде Синьфэн. Выслушав дело, я считаю, что всё ясно: виновен сын старейшины Чэна. Неужели господин начальник собирается огульно обвинять и самого старейшину? Это нехорошо.

Чэн Жу тут же выпрямился. Его покровитель прибыл, и теперь он был спокоен. Он готов был лишиться имущества, лишь бы сохранить жизнь. Чжэн Шаньцы не выказал ни малейшего беспокойства.

— Как можно говорить об огульных обвинениях, господин Ли, когда доказательства непроверяемы? Неужели вы думаете, что глава семьи Чэн осмелился бы на такое в одиночку?!

Инспектор Ли счёл его слова за оскорбление. Его лицо помрачнело.

— Дерзость!

Какой-то уездный начальник седьмого ранга смеет так с ним разговаривать!

Юй Ланьци мысленно хмыкнул. Какой-то инспектор-цензор пятого ранга смеет так вести себя перед их помещьем хоу.

Регистратор Цзян, увидев инспектора, задрожал. Если они разгневают инспектора Ли, карьера господина начальника будет окончена. В чиновничьей иерархии ранг решает всё.

— Это уезд Синьфэн, — ответил Чжэн Шаньцы, — и уездный начальник обязан вести судебные дела. Прошу господина Ли не вмешиваться.

Инспектор Ли потерял дар речи. Бунт!

Чжэн Шаньцы вызвал ещё нескольких свидетелей из числа слуг Чэн Жу. Он продолжал допрос, неуклонно подводя обвинение к самому старейшине. Он был твёрдо намерен сокрушить семью Чэн.

— Господин начальник, вы так рьяно ведёте это дело. Сумеете ли вы сохранить свой чиновничий халат? — с язвительной усмешкой произнёс инспектор Ли.

Обязанностью инспектора-цензора было надзирать за чиновниками, инспектировать уезды, исправлять судебные ошибки и следить за придворным церемониалом. Один его доклад ко двору мог положить конец карьере Чжэн Шаньцы. Инспекторы-цензоры обладали невысоким рангом, но огромной властью, и все старались не переходить им дорогу, боясь лишиться должности.

Чжэн Шаньцы, сложив руки, невозмутимо ответил:

— Не стоит беспокоиться об этом, господин Ли.

<http://bllate.org/book/15809/1439812>